

Содержание

Введение	7
Глава 1	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ	11
1.1. Акторы геополитической игры	13
1.1.1. Национальные государства	13
1.1.2. Надгосударственные образования	14
1.1.3. Закрытые структуры международного согласования	18
1.2. Слагаемые геополитического могущества государства	25
1.2.1. Военный потенциал	27
1.2.2. Экономический потенциал	28
1.2.3. Демографический потенциал и качество населения	29
1.2.4. Технологический суверенитет	31
1.2.5. Энергетический суверенитет и энергетическая безопасность	33
1.2.6. Продовольственная безопасность	34
1.2.7. Национальная валюта как геополитический фактор	36
1.2.8. «Мягкая сила»	37
1.2.9. Геополитическое могущество и географический детерминизм	38
Глава 2	
МИРОВАЯ ЭНЕРГЕТИКА НА ПОРОГЕ ЧЕТВЕРТОГО ЭНЕРГОПЕРЕХОДА (ситуативная характеристика)	41
2.1. Динамика производства электроэнергии как пульс экономики и потенциал ее развития	43
2.2. Краткий обзор структуры генерации мировой электроэнергетики по видам первичной энергии	46

2.2.1. Тепловая энергетика мира. Энергия ископаемого топлива	50
2.2.2. Мировая гидроэнергетика	54
2.2.3. Ядерная энергетика в мире	62
2.2.4. Энергетика на основе новых возобновляемых источников энергии. Ветровая и солнечная энергия	69
2.2.5. Геотермальная энергетика	79
2.3. Особенности современной структуры генерации и тенденции ее трансформации в различных макрорегионах мира	82
2.3.1. Россия	83
2.3.2. Европа	92
2.3.3. Северная Америка	98
2.3.4. Ближний Восток / Западная Азия	100
2.3.5. Восточная и Южная Азия	101
2.3.6. Латинская Америка	103
2.3.7. Африка	107
2.3.8. Австралия и Новая Зеландия	110

Глава 3

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ГЕОПОЛИТИКА	113
3.1. Почему энергетика стала геополитическим оружием	115
3.1.1. Битва за бакинскую нефть: как начиналась энергетическая геополитика	118
3.1.2. Возникновение ОПЕК. Нефтяной рынок после Второй мировой войны	121
3.1.3. Формат ОПЕК+	127
3.1.4. Энергетика как фактор геополитического сближения. Экономический тандем ФРГ — СССР (Германия — Россия)	133
3.1.5. Колосс на нефтяных ногах. Роль Саудовской Аравии и ОПЕК в обвале экономики СССР	140
3.1.6. Энергетический след современных вооруженных конфликтов	150

3.2. Энергетические мосты как геополитические оси влияния в прошлом и настоящем	160
3.2.1. Экспортно-импортные потоки мировой энергосистемы. Ретроспектива и современная эволюция сложившихся энергетических мостов	161
Глава 4	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ШАХМАТЫ НА ПОЛЕ ЭНЕРГЕТИКИ:	
Россия vs коллективный Запад	183
4.1. Энергетическая политика России в условиях политического кризиса	185
4.2. Энергетические корни войн (сюжеты XXI в.)	187
4.3. Диверсификация поставок углеводородов из России	194
4.3.1. Отсечение Европы и разворот на Восток	194
4.3.2. Российские СПГ-проекты и танкерный флот	201
4.4. Зарубежные проекты российских компаний в сфере добычи и переработки углеводородного сырья	209
4.5. Не углеводородом единым. Российские и зарубежные проекты в сфере атомной и гидроэнергетики	219
4.5.1. Зарубежные гидроэнергетические проекты «РусГидро» и других российских компаний	219
4.5.2. Зарубежные энергетические проекты «Росатома»	225
Заключение	243
Литература и источники	249

Введение

Сегодня популярность геополитики сложно переоценить. Ей посвящается множество статей, она становится основной темой многочисленных международных конференций и даже телевизионных ток-шоу. Многие убеждены, что геополитический инструментарий наилучшим образом объясняет происходящее в мире.

Такому взгляду немногим более ста лет. На рубеже XIX–XX вв., когда завершился колониальный передел мира и на планете не осталось не контролируемых какой-либо державой территорий, возникли предпосылки для прямого столкновения этих государств и ассоциированного с ними крупного капитала.

Именно тогда появились немецкая «теория жизненного пространства» (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер) и англосаксонская «теория Хартленда» (Х. Маккиндер), ставшие отправными точками для национальных геополитических школ. При этом сам термин «геополитика» впервые был использован в 1899 г. шведским ученым Рудольфом Челленом.

Однако именно рубеж второго и третьего тысячелетий можно считать временем настоящего триумфа геополитики. Экономический подъем густонаселенного Глобального Юга, нежелание новой, постсоветской России поступаться своими интересами в сочетании со стремлением западных элит сохранить свою гегемонию, установившуюся после окончания холодной войны и распада СССР, привели к нарастанию противоречий между старыми и новыми центрами силы.

Чем шире география как разгоревшихся, так и тлеющих конфликтов, тем острее запрос на прогнозирование и изучение стратегий и целей ключевых акторов. То есть в конечном счете на использование всех возможностей геополитики — комплексной дисциплины,

сочетающей в себе элементы политической философии, географии, этнографии, экономической теории и военного искусства и изучающей закономерности распределения и перераспределения сфер влияния между различными центрами силы.

Как правило, это государства и межгосударственные объединения — политические (**Европейский союз (ЕС)**), экономические (ЕАЭС) и военные блоки (НАТО, ОДКБ, АУКУС). Однако современное представление об акторах геополитического процесса требует серьезных корректив. Также следует принимать во внимание, что могущество какого-либо геополитического игрока далеко не всегда прямо пропорционально размеру контролируемой им территории. Весьма значимы аспекты «мягкой силы» — финансово-экономические, ментальные, поведенческие и ценностные.

Исходя из доминирующих форм контроля различают традиционную геополитику, геоэкономику и геофилософию. Традиционная геополитика отражает, как государство использует свои военно-политические и географические преимущества для территориальной экспансии; геоэкономика ставит во главу угла экономический и технологический потенциал; геофилософия учитывает систему ценностей, поведенческие паттерны, культурные и исторические особенности.

Чем выше геополитический потенциал государства, тем сильнее оно влияет на поведение других субъектов международных отношений, вплоть до превращения их в спутников. Одна из ключевых составляющих фактического суверенитета и геополитического влияния — энергетическая безопасность.

Вне зависимости от того, экспортирует или импортирует страна энергоносители, без топливно-энергетического комплекса невозможен ни рост ее экономики, ни повышение уровня благосостояния граждан. Поэтому энергетика неразрывно связана с геополитикой. Особенно из-за несовпадения основных ареалов добычи и потребления энергоресурсов.

Создание взаимовыгодных энергетических альянсов и партнерств становится прочной основой для межгосударственного сотрудничества, способствует сближению стран в политической и гуманитарной сфере. И наоборот, обострение противостояния между различными

центрами силы неизбежно сопровождается или предваряется битвами за энергоресурсы или энергоинфраструктуру.

На этих страницах мы подробно рассмотрим, как геополитика влияла и влияет на развитие мировой энергетики и как энергетические коллизии определяли и определяют геополитические тренды.

1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛАНДШАФТ

1.1. Акторы геополитической игры

Мир переживает глобальную перестройку и изменение принципов сегментации. Она идет в двух направлениях — экстерриториальном (ультраглобалистском) и макрорегиональном (умеренно глобалистском). Первое стирает границы, нивелирует само понятие государства. Второе все же оставляет государству как субъекту право на существование.

Тем не менее представления классической немецкой геополитической школы Ратцеля — Хаусхофера очевидно утратили актуальность. Борьба государств-империй за жизненное пространство уже не является определяющей. Современный геополитический ландшафт отличается нелинейными связями, многомерностью, сложностью и противоречивостью.

Все более весомую роль играют различные международные организации и закрытые элитарные клубы. Интересы различных участников могут совпадать в моменте и расходиться в долгосрочной перспективе, что приводит к созданию непрочных ситуационных союзов или, наоборот, к конфликтам между актерами, которые недавно считались стратегическими партнерами. Такое положение дел резко повышает степень неопределенности, усиливает социально-экономическую и политическую турбулентность, делает будущее многовариантным и плохо прогнозируемым.

Подробное описание диспозиции всех участников геополитического процесса выходит за рамки нашей работы и в значительной степени сопряжено со спекулятивными суждениями. Но, в силу уже упомянутой взаимозависимости геополитики и глобальных энергетических раскладов, эскизно обозначим основных акторов и уровни их взаимодействия.

1.1.1. Национальные государства

Современная политическая карта мира представляет собой мозаику национальных государств. В идеале каждое государство должно заботиться об улучшении качества жизни собственных граждан:

гарантировать их безопасность, права на образование и медицинскую помощь, обеспечивать им материальное благополучие, духовное развитие, сохранение цивилизационной идентичности и т.п. Но каждое государство одновременно и субъект, и объект международных отношений. Ему приходится взаимодействовать с другими странами. И это нередко приводит к конфликтам из-за доступа к ресурсам, территориальным спорам, контроля над рынками сбыта и др.

При этом до недавнего времени степень геополитического влияния того или иного государства почти всегда была пропорциональна степени его суверенитета. Но по мере углубления процессов глобализации, экономической, политической и военной интеграции значительно возросла роль надгосударственных образований с одновременной фактической десоверенизацией целого ряда национальных государств. Как следствие, декларируемые ими «геополитические интересы» на деле никак не соотносятся с реальными интересами ни государства, ни нации.

Наглядное доказательство — фактическое игнорирование собственных политических, экономических, цивилизационных основ многими европейскими странами, которые все чаще становятся разменными фигурами в глобальной игре.

1.1.2. Надгосударственные образования

Наднациональные образования координируют деятельность государств, международных организаций и других участников мирового сообщества. Они создаются для решения глобальных проблем и управления международными отношениями.

Одна из наиболее известных наднациональных управленческих структур — **Организация Объединенных Наций** (ООН), созданная в 1945 г. для поддержания мира и безопасности, защиты прав человека, решения международных конфликтов и координации глобальной экономической деятельности. Формально членство в ООН является критерием признания суверенитета государства со стороны международного сообщества. Сегодня таким статусом обладают 193 государства. При этом, например, Палестина с 2012 г. остается государством-наблюдателем.

Почти полвека ООН — наиболее авторитетная международная организация, чьи резолюции неуклонно соблюдаются, а их нарушения носят единичный характер (вторжение США в Гренаду в 1983-м, авиаудары по Ливии в 1986-м, вторжение в Панаму в 1989-м). Но распад СССР и демонтаж биполярного мира привели к разрушению системы сдержек и противовесов, что в свою очередь негативно сказалось и на авторитете ООН.

Без санкции ООН натовская коалиция бомбила Югославию в 1999-м, США и их союзники совершили вторжение в Ирак в 2003-м, а принятая в 2011-м под давлением Запада ооновская резолюция по введению бесполетной зоны над Ливией помогла свергнуть Муаммара Каддафи — вместо остановки Гражданской войны в этой стране. Зато ООН никак не воспользовалась своими возможностями для купирования на ранней стадии украинского конфликта, когда в 2014–2016 гг. обстреливались города и гибли мирные жители Донбасса.

Очевидно, обострение противоречий между странами, входящими в Совет Безопасности ООН и обладающими правом вето, не способствует успешному поиску компромиссных, но порой необходимых решений. На первый план выходит политическая целесообразность, а не стремление устранить причины возникающих конфликтов. Отсюда — неаккуратное и выборочное исполнение отдельными странами резолюций, которые все-таки удается принять, обвинения ООН в ангажированности, а то и вовсе игнорирование мнения и устава главной международной организации.

Таким образом, ООН перестает быть ориентиром для государств при осуществлении ими внешней политики [2]. И чем сильнее падает ее авторитет, тем чаще эксперты вспоминают печальный опыт Лиги Наций, чье «институциональное банкротство» стало одной из причин Второй мировой войны. А лидеры ряда стран говорят о необходимости глубокого реформирования ООН или о создании на ее базе новой международной организации, соответствующей новым реалиям [22].

Впрочем, как подчеркивает глава российского МИДа Сергей Лавров: «ООН — единственная организация всемирного уровня, деятельность которой по-прежнему признается большинством государств планеты».

Первый шаг к созданию другой ключевой наднациональной организации — Европейского союза — был сделан в 1951 г., когда Бельгия, Нидерланды, Люксембург, ФРГ, Франция и Италия учредили Европейское объединение угля и стали. В 1957 г. те же государства образовали Европейское экономическое сообщество, на основе которого в феврале 1992 г. и был создан ЕС.

Сегодня Евросоюз объединяет 27 стран с суммарной численностью населения более 450 млн человек, уступая по этому показателю только Китаю и Индии. По размеру валового внутреннего продукта (ВВП) ЕС входит в тройку крупнейших экономик мира.

Евросоюз представляет собой яркий пример борьбы «суверенизма» и «универсализма». Политика властей ЕС нередко расходится с интересами стран — участников объединения — это касается прежде всего регулирования миграции, энергетики, международных отношений [3].

Важные составляющие наднациональной управленческой структуры — **Международный валютный фонд (МВФ)** и **Всемирный банк (ВБ)**, учрежденные по итогам Бреттон-Вудской конференции (1944) как ключевые элементы обновленной тогда мировой финансовой системы.

Основная задача МВФ — кредитование стран-участников, испытывающих проблемы с платежным балансом. Заемщики при этом обязуются следовать рекомендациям фонда-кредитора, как правило предполагающим проведение масштабных социально-экономических и политических реформ по преодолению кризисных явлений, которые стали причиной обращения за кредитом. В этой связи предусматриваются снятие ограничений на перемещение капиталов, массовая приватизация, сокращение социальных расходов, повышение налогов и т.п.

Решение о кредитовании той или иной страны принимается на основе голосования. Голоса стран-участников распределяются пропорционально взносам. У США эта доля достигает 17%, что позволяет блокировать любое решение МВФ, в котором не заинтересован Вашингтон. Поэтому эксперты нередко критикуют МВФ (а равно и Всемирный банк) за фактическое подчинение США и следование их геополитическим интересам при выдаче рекомендаций странам-заемщикам.

Выполнение требований фонда часто приводит к имущественному и социальному расслоению, деградации системы образования и здравоохранения. Так, например, у Мексики, в 1980-е обратившейся к МВФ за финансированием, свыше половины госрасходов ушло на обслуживание кредита, а уровень безработицы экономически активного населения достиг 40%. Кроме того, Мексике пришлось вступить в **Североамериканскую зону свободной торговли (North American Free Trade Agreement, NAFTA)** и предоставить большие льготы американским корпорациям.

Гражданская война в Югославии тоже во многом спровоцирована МВФ, потребовавшим от тогдашнего руководства страны отказаться от выравнивания доходов республик, входящих в Социалистическую Федеративную Республику Югославия, что вызвало всплеск сепаратистских настроений, распад государства и межнациональные столкновения, унесшие жизни 600 000 человек [1].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) была создана в 1946 г. на базе Медицинского международного отдела при Фонде Рокфеллера и в настоящее время входит в систему ООН.

Политическая роль ВОЗ существенно возросла на фоне пандемии COVID-19, когда рекомендации по выполнению карантинных мероприятий и вакцинации стали обязательными фактически для всех стран и национальных правительств. А в экспертной среде утвердился термин «диктатура здоровья», под которым в том числе понимается регламентация частной жизни извне, мотивированная заботой о жизни как индивида, так и окружающих. В связи с чем нередко обращают внимание на совпадение подходов ВОЗ с идеями основателя Всемирного экономического форума Клауса Шваба в книге «COVID-19: Великая перезагрузка»¹ (2020), написанной совместно с Тьерри Маллере.

Критики также отмечают корреляцию между решениями и действиями ВОЗ и интересами лидеров мировой фарминдустрии. В частности, это выражается в выборе ВОЗ «антиковидных» вакцин, подлежащих сертификации и, соответственно, всемирному распространению.

¹ Schwab K., Malleret Th. COVID-19: The Great Reset — Forum Publishing, 2020 (<https://archive.org/details/schwab2020>, <https://robscholtemuseum.nl/wp-content/uploads/2022/11/Schwab-Klaus-Malleret-Thierry-COVID-19-The-Great-Reset-Forum-Publishing-2020-.pdf>).

Наднациональные управленческие структуры должны учитывать интересы всех участников мирового сообщества и действовать в соответствии с международным правом и принципами справедливости. Тем более что такие организации наделены полномочиями, которых лишены национальные государства, — решать глобальные проблемы, способствовать укреплению международных отношений и сотрудничеству между странами. Но для этого необходим широкий межгосударственный консенсус, достижение которого представляет все более сложную задачу в современных реалиях, прежде всего геополитических.

Поэтому результат оказывается прямо противоположным желаемому. Эффективность наднациональных управленческих структур падает. А их попытки исправить ситуацию только ухудшают ее, вызывая (во многих случаях справедливую) критику из-за ограничения суверенитета и дискриминации национальных интересов.

1.1.3. Закрытые структуры международного согласования

При разговоре об инструментах и институтах глобального управления и геополитического воздействия нельзя обойти вниманием закрытые структуры международного согласования. Не вдаваясь в «теорию заговора», отметим, что степень влияния этих клубов, комиссий и комитетов на глобальные тренды трудно переоценить. При этом членство в них, как правило, определяется степенью неформального влияния потенциального участника или личным знакомством.

Бильдербергский клуб получил название в честь отеля в голландском Остербеке, где в конце мая 1954 г. впервые состоялась встреча наиболее влиятельных представителей американской и европейской политической и деловой элиты. Иницилируя проведение этого неформального саммита, британский политик польского происхождения Джозеф Ретингер стремился укрепить связи между американским и западноевропейским истеблишментом в условиях, как ему казалось, угрозы советской экспансии.

Среди наиболее влиятельных и именитых членов «Бильдерберга» — Дэвид Рокфеллер, скончавшийся в 2017 г. внук Джона

Рис. 1

Дэвид Рокфеллер

Фото: © Bernard Gotfryd, The Library of Congress

Рокфеллера, американского нефтяного магната и первого в мировой истории долларового миллиардера.

Участвовали в заседаниях Бильдербергского клуба и россияне — общественные деятели Григорий Явлинский и Гарри Каспаров¹, политолог Лилия Шевцова, миллиардер Алексей Мордашов, экономист Сергей Гуриев². На встречу, проходившую в конце мая 2024 г., якобы был приглашен Анатолий Чубайс.

Впрочем, верифицировать эту информацию не представляется возможным из-за «Правил Чатем-Хауса», которое оставляет за участниками «Бильдерберга» право по своему усмотрению использовать полученные в ходе общения и переговоров сведения, но запрещает идентифицировать своих визави. Иными словами, все, кто принимает участие в заседаниях клуба, присутствуют там как частные лица

¹ Признан Минюстом России иноагентом 20.05.2022. — Прим. ред.

² Признан Минюстом России иноагентом 10.03.2023. — Прим. ред.

и потому избавлены от необходимости соотносить высказываемые суждения, прогнозы, оценки с официальной позицией своих учреждений или корпораций и даже стран [6].

По схожей причине сложно сказать, насколько реальная повестка «Бильдербергских встреч» соответствует заявленной в пресс-релизах. А согласно им, например, на прошедшем майском заседании предполагалось рассмотреть вопросы, связанные с искусственным интеллектом, климатом и энергопереходом, изменения в биологии, специфике военных действий, экономические вызовы для США и Европы, обсудить проблемы Украины, Ближнего Востока, Китая и России.

Предшественником Бильдербергского клуба по праву считается американский **Совет по международным отношениям** (СМО), основанный в 1921 г. Как отмечается на официальном сайте этой «фабрики мысли», ее миссия — быть «ресурсом для правительственных чиновников, бизнесменов, журналистов, преподавателей и студентов, гражданских и религиозных лидеров и других заинтересованных граждан, чтобы помочь им лучше понять мир и выбор направления внешней политики Соединенных Штатов и других стран» [4].

Сама идея такой внешнеполитической концептуализации возникла у американских элитариев несколько ранее — в 1918 г. Тогда при непосредственном участии Эдварда Хауса, ближайшего советника и друга президента США Вудро Вильсона, журналиста Уолтера Липпмана и банкира, совладельца JP Morgan Томаса Ламонта была сформирована группа интеллектуалов под названием «Исследование» (The Inquiry), призванная сформулировать американскую позицию на мирной конференции, фиксирующей итоги Первой мировой.

Показательна в этой связи дневниковая запись тех лет, сделанная Хаусом: *«...остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделенная европейская часть страны».*

Некоторые наблюдатели не без оснований считают, что СМО работает в связке с другими элитарными организациями наднационального планирования и согласования [9]. А политолог Уильям Авилес, причисляя СМО к «транснациональным директивным институтам», видит в деятельности этой организации признаки тесного сотрудничества

с западными правительствами и международными финансовыми учреждениями, такими как Международный валютный фонд и Всемирный банк, призванные расширить зону свободной торговли, упростить инвестирование для транснациональных корпораций (ТНК) на глобальных рынках и ускорить интеграцию рынков с использованием возможностей NAFTA, ЕС и других аналогичных объединений.

В 1973 г. по инициативе Дэвида Рокфеллера и других активных участников Бильдербергского клуба и Совета по международным отношениям (СМО) была сформирована Международная комиссия по вопросам мира и процветания, или **Трехсторонняя комиссия**. В ее задачи, по словам Рокфеллера, входила консультационная помощь правительствам США, стран Европы и Японии.

Иными словами, речь шла о подключении Токио к обсуждению ключевых вопросов мировой политики, что помогало повысить лояльность стратегически важного американского союзника в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Наряду с геополитическими это было вызвано и экономическими причинами. Перспективы безусловного доминирования США в мировом хозяйстве к концу 1960-х оказались под вопросом. Высокие темпы роста демонстрировал не только СССР, но и многие американские партнеры по капиталистическому лагерю — Франция, ФРГ, Италия, та же Япония.

Не лучшим образом на экономических позициях и внешнеполитическом авторитете США сказалась война во Вьетнаме.

Трехсторонняя комиссия должна была стать платформой для перезагрузки взаимоотношений США и их союзников, урегулирования разногласий и выработки консенсуса по ключевым вопросам международной повестки. С этой точки зрения, кстати, представляется не слишком релевантной советская трактовка, согласно которой Трехсторонняя комиссия — плод реакционного заговора, призванного подорвать политику разрядки, которую проводила администрация 37-го президента США Ричарда Никсона (1969–1974). Реальные ее задачи, которые ставили перед собой Рокфеллер и его единомышленники, были намного шире — сохранение глобального доминирования США и консолидация союзников Вашингтона для реализации проекта глобализации.

В апреле 1968 г. итальянский промышленник Аурелио Печчеи учредил **Римский клуб**. Он объединяет около 100 представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты, как правило, не состоящих на госслужбе. В качестве одной из главных задач его участники видят привлечение внимания мировой общественности к наиболее острым, с их точки зрения, глобальным проблемам. Именно с подачи этой организации в 1970-е гг. политики, журналисты, деятели культуры и бизнесмены на Западе заговорили о борьбе за экологию.

А в 1972 г. на площадке Римского клуба ряд исследователей во главе с супругами Медоуз представили доклад «Пределы роста»¹, согласно которому человечество достигло предела своих технико-экономических возможностей, рискуя столкнуться с экологической и демографической катастрофой. Из чего вытекала необходимость обеспечения нулевого роста (zero growth) посредством частичной деиндустриализации, кратного увеличения расходов на экологические нужды, переноса грязных и массовых производств в страны третьего мира, сокращения потребления и реализации программ по ограничению рождаемости в мировом масштабе [5].

Показательно, что параллельно с разработкой идеи нулевого роста сотрудникам Тавистокского института изучения человеческих отношений (Великобритания) было поручено разработать программу идейно-информационного психологического воздействия на население с целью «устранить культурный оптимизм шестидесятых» и таким образом резко изменить настроения в обществе [10].

С 1971 г. в Давосе по инициативе профессора Женевского университета Клауса Шваба проводится **Всемирный экономический форум (ВЭФ)**.

Некоторые наблюдатели полагают, что основная цель этой площадки — ретрансляция в широкое информационное пространство идей и смыслов, рожденных в других элитарных клубах [10]. Как бы там ни было, но более чем за полвека существования ВЭФ

¹ Медоуз Д. Х., Рандерс Й., Медоуз Д. Л. Пределы роста: 30 лет спустя. 3-е изд. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

его авторитет заметно снизился. Сегодня намного чаще можно столкнуться с возмущениями по поводу стоимости участия и репликами про форум как «корпоративную машину по зарабатыванию денег», нежели с обсуждением содержательной стороны «давосских» дискуссий. Неудивительно и существенное сокращение высокопоставленных участников ВЭФ. Известны случаи демонстративного бойкотирования Давоса различными влиятельными персонами вроде турецкого президента Реджепа Эрдогана [8].

Благотворительные фонды. Несложно заметить, что к созданию практически всех закрытых наднациональных структур самое непосредственное отношение имели фонды, связанные с влиятельными и богатыми семьями, — Рокфеллера, Форда, Карнеги. Наряду с благотворительностью, обозначенной миссией учреждений, их важным неформальным функционалом было обеспечение консенсуса элит и содействие разрешению противоречий между ветвями власти и/или различными политическими и аппаратными группами.

Такая роль крупнейших американских благотворителей дала профессору Роберту Арнове повод говорить о крайне негативном их влиянии на чистоту демократических процедур. В книге «Благотворительный и культурный империализм»¹ Арнове отмечал, что такие фонды, представляя собой нерегулируемую и не поддающуюся учету концентрацию власти и богатства, де-факто формируют повестку дня, помогая поддерживать экономический и политический статус-кво, тормозя и предотвращая радикальные, структурные изменения [12].

Неудивительно, что продвижение глобалистского проекта в значительной степени опирается на благотворительные фонды. Причем важный элемент укрепления и распространения их влияния и популяризации нужных идей и нарративов — участие в финансировании науки и образования, формально вполне соответствующее их уставным задачам.

¹ Arno R. F. *Philanthropy and cultural imperialism: the foundations at home and abroad.* — Boston, Mass.: G. K. Hall, 1980.

«Сила фондов не в том, чтобы диктовать, что должно изучаться, — пишет Арнове. — Их сила в определении профессиональных и интеллектуальных параметров, в определении того, кто будет получать поддержку в изучении жизненно важных тем и вопросов. Поэтому власть фондов заключается в том, что они предлагают определенные виды деятельности, в которых они заинтересованы и которые готовы поддерживать. Им достаточно указать сферу, интересующую их, в результате чего целый университетский мир обнаружит, что его интеллектуальный компас всегда будет указывать именно в эту сторону» [12].

Таким образом, крупнейшие американские благотворительные фонды, сами не являясь конвенциональными геополитическими игроками, способны оказывать едва ли не определяющее влияние на политические, экономические и общественные процессы других государств, фактически лишая их суверенитета в интересах глобальной элиты.

Мы обозначили несколько уровней акторов, участвующих в формировании современного геополитического ландшафта. Между ними нет иерархии, их крайне сложно объединить в единую и внутренне непротиворечивую систему. Каждый из игроков преследует собственные цели и в то же время является средством для достижения таковых, то есть одновременно *обладает и субъектной, и объектной позицией*.

Государства, надгосударственные образования, элитарные группы, транснациональный бизнес, преследуя свои цели, могут как объединяться в ситуационные альянсы и союзы, так и враждовать. Лишнее тому доказательство — разнонаправленные тенденции в политике США в периоды правления «трампистов»-республиканцев и «ультраглобалистов-демократов»; конфликты в ЕС из-за национально-ориентированных решений, принимаемых такими странами, как Венгрия или Словакия; специфика американо-китайских взаимоотношений, когда политические интересы двух сверхдержав входят в противоречие с экономическими, и наоборот.

Такого рода коллизии определяют многомерность геополитических процессов и усложняют их понимание. Тем не менее не будет

преувеличением сказать: основной нерв геополитического противостояния на нынешнем этапе — дихотомия глобализации и национального государства.

Вполне логично, что при описании геополитического ландшафта нам довольно часто пришлось вспоминать фамилию Рокфеллер.

Джеймс Вулфенсон, возглавлявший Всемирный банк в 1995–2005 гг., говоря об этой влиятельной американской семье, особо подчеркивал ее «огромнейший вклад в развитие глобализма». В свою очередь, биографы Дэвида Рокфеллера утверждают, что он выделял в мире две основные касты, которые ведут непримиримую битву. Это, с его точки зрения, люди с рациональным и иррациональным типами мышления. Первые — поборники глобализации, вторые — ее противники, предпочитающие делать ставку на национальные интересы [11, 7].

Тем показательнее, что Рокфеллеры, будучи во многом закулисными архитекторами американской внешней политики, также внесли немалый вклад в создание американского топливно-энергетического комплекса, одного из крупнейших в мире. Как известно, Джон Рокфеллер в 1870 г. основал компанию Standard Oil, вскоре ставшую североамериканским топливным монополистом.

Иными словами, едва ли не самое влиятельное американское семейство самой своей историей и деятельностью наиболее именитых представителей показывает, насколько тесно могут быть связаны геополитика и энергетика.

1.2. Слагаемые геополитического могущества государства

Отстаивание собственных политических и экономических интересов на международной арене априори естественная задача любого государства. Необходимое условие такой геополитической субъектности — *суверенитет*. Несмотря на то что де-юре суверенными считаются все 193 государства, признанные ООН, лишь немногие обладают реальным суверенитетом.

Согласно общепринятому определению, под суверенитетом понимается способность государства осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю политику, исходя прежде всего из национальных интересов.

Отсюда следует, что суверенное государство должно одновременно иметь верховенство внутри страны и быть независимым на международной арене.

Атрибуты верховенства государственной власти:

- исключительное право представлять все общество, а не его части;
- распространение властных функций на все население (граждан);
- право издавать законы и тем самым определять масштаб свободы всех субъектов права;
- монопольное право на применение силы.

Атрибуты независимости на внешней арене:

- признание международным сообществом данного государства в качестве субъекта международных отношений;
- осуществление самостоятельной внешней политики;
- предотвращение вмешательства других государств во внутренние и внешние дела суверенного государства [17].

Суверенитет в мире всегда был уделом сильных, способных не только осуществлять территориальную экспансию, но и обеспечить собственную неуязвимость. Любое военное могущество легко становится фикцией, если страна не обладает достаточными запасами продовольствия, чтобы прокормить солдат и население в целом, транспортными возможностями и энергоресурсами для своевременного и бесперебойного снабжения вооруженных сил, а уровень развития промышленности и технологий не позволяет в нужных объемах производить эффективные и современные виды вооружений.

Рассмотрим подробнее факторы, определяющие реальный суверенитет и, как следствие, геополитический потенциал государства.

1.2.1. Военный потенциал

Существуют три основных подхода к оценке потенциала армий мира:

- расходы на оборону;
- расчет комплексного индекса мощи вооруженных сил;
- субъективные экспертные мнения.

В 2022 г. общемировые военные расходы выросли на 3,7% и достигли рекордных \$2,24 трлн (2,2% глобального ВВП), по данным Стокгольмского института исследований проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI).

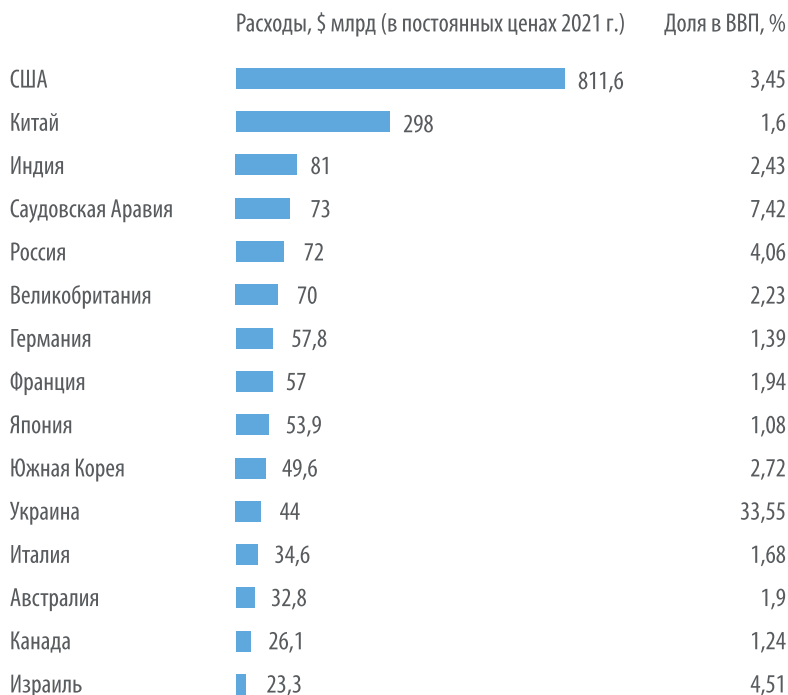

Рис. 2

Топ-15 стран по военным расходам в 2022 г.

В пятерку лидеров по расходам вошли США, Китай, Индия, Саудовская Аравия и Россия — в сумме их траты составили 63% от общемировых [13].

Рейтинг военной мощи Global Firepower основан более чем на 60 параметрах, включая численность военнослужащих и резервистов, структуру родов войск, материально-техническое обеспечение, опыт участия в боевых действиях, логистические возможности и т.д. [14].

Таблица 1

Рейтинг 10 сильнейших армий мира согласно Global Firepower Index (GFI-2024)

1	США	0,0699
2	Россия	0,0702
3	Китай	0,0706
4	Индия	0,1023
5	Южная Корея	0,1416
6	Великобритания	0,1443
7	Япония	0,1601
8	Турция	0,1697
9	Пакистан	0,1711
10	Италия	0,1863

Наконец, обладание ядерным оружием — едва ли не ключевой показатель военной мощи и, соответственно, главная силовая гарантия суверенитета. Ни одно государство в мире не начнет войну, опасаясь встречного применения ядерного оружия.

В клуб ядерных держав на основании как официальных данных, так и косвенных признаков сегодня входят США, Россия, Китай, Великобритания, Франция, Индия, Израиль, Пакистан и КНДР.

1.2.2. Экономический потенциал

Размер ВВП — главный индикатор экономического потенциала. А темпы роста ВВП отражают динамику экономического развития страны.

При сопоставлении масштабов экономик разных стран размер ВВП дается с учетом паритета покупательной способности (ППС), то есть привязан к какой-то одной валюте.

Таблица 2

Рейтинг крупнейших государств по размеру ВВП по ППС за 2023 г., по данным ВБ

№	Государство	ВВП по ППС, \$ млрд (2023)	Темпы прироста ВВП, % (2023)
1	Китай	30 327	+4,6
2	США	25 463	+2,7
3	Индия	11 875	+8,2
4	Япония	5702	+0,9
5	Россия	5327	+3,2
6	Германия	5310	+0,2
7	Индонезия	4037	+5,0
8	Бразилия	3837	+2,7
9	Франция	3770	+0,7
10	Великобритания	3657	+0,5

Приведенные данные подтверждают усиление экономических (а следовательно, и геополитических) позиций стран Глобального Юга. В первой десятке лидеров по размеру ВВП — Китай, Индия, Индонезия и Бразилия. Нельзя не отметить и то, что впервые за постсоветскую историю наша страна получила возможность побороться за вхождение в первую четверку по размеру экономики.

Впрочем, надо учитывать, что экономический потенциал государства во многом определяется наличием и качеством ресурсов — не только энергетических и сырьевых, но и человеческих.

1.2.3. Демографический потенциал и качество населения

С экономической точки зрения наиболее оптимальный демографический расклад — это преобладание доли граждан в возрасте от 15 до 64 лет. В этом случае социальная нагрузка на бюджет и/или налогоплательщиков намного меньше, нежели при стареющем населении.

Рис. 3

Многодетная семья в Африке

Фото: © sandis sveicers / Shutterstock

Таким образом, страны Ближнего Востока и Центральной Азии, Южная Корея, Бразилия, Турция, Китай, Индия, Мексика и Индонезия, где доля трудоспособных граждан достигает 68%, находятся в более выигрышном положении. Хотя, например, обратной стороной экономических успехов Китая или Южной Кореи является старение их населения. В то время как Индонезия, Вьетнам, Мексика и Индия, наоборот, укрепляют свои позиции благодаря росту числа молодых граждан. По той же причине в более отдаленной перспективе (10 лет и более) на экономическое лидерство могут претендовать Нигерия, Эфиопия и Египет.

Критическая демографическая ситуация у Японии и практически всех стран Европы, у которых доля населения от 65 лет и старше составляет от 20 до 30%. Через 5–15 лет в этой группе риска, помимо упомянутых выше Китая и Южной Кореи, могут оказаться США и Россия.

Иными словами, демография — инструмент перехвата глобальной экономической и геополитической инициативы Глобальным

Югом. Впрочем, наряду с численностью и возрастным составом населения, надо учитывать и такой параметр, как индекс человеческого развития (ИЧР). Этот интегральный показатель объединяет ожидаемую продолжительность жизни, уровень образования (грамотности), долю ВВП на душу населения.

Многолетними лидерами по ИЧР являются европейские страны во главе со Швейцарией, а также Австралия. Высокие показатели ИЧР характерны для Японии, Республики Корея, Канады, США, Новой Зеландии, Израиля, ОАЭ. Россия, находясь по данному параметру в пределах шестого десятка, замыкает список стран с «очень высоким» ИЧР.

1.2.4. Технологический суверенитет

Обладание собственными научными разработками и технологиями не просто основа стратегической безопасности государства, но и гарантия его дальнейшего беспрепятственного развития и возможности отвечать на новые вызовы, как военные, так и экономические.

Патентная статистика — наиболее часто используемый критерий оценки технологического потенциала той или иной страны. Соответствующие сведения, поступающие от национальных ведомств по охране интеллектуальной собственности, собирает и обрабатывает входящая в систему ООН Всемирная организация интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organization) [15, 16].

Устойчивое присутствие в первой десятке Китая, Индии и Бразилии позволяет сделать вывод, что и в технологическом развитии лидерство постепенно переходит к странам Глобального Юга.

Показательно, что Китай и Индия в списке лидеров и по такому критерию научно-технического развития, как количество научно-исследовательских статей, опубликованных представителями национальных научных сообществ в рецензируемых научных журналах и изданиях, которые включены в систему индексов научного цитирования: Science Citation Index (SCI) и Social Sciences Citation Index (SSCI). Соответствующие публикации охватывают самый широкий

спектр дисциплин, включая науки о Земле и космосе, математику, физику, химию, биологию, медицину, психологию, социологию, машиностроение, сельскохозяйственные науки [16].

Таблица 3

Рейтинг стран по количеству патентов

Рейтинг (2020)					Рейтинг (2022)
№	государство	количество патентов	заявки резидентов	заявки нерезидентов	
1	Китай	1 400 661	1 243 568	157 093	Китай (1 619 268) (+15,6%)
2	США	621 453	285 113	336 340	США (594 340) (-4,3%)
3	Япония	307 969	245 372	62 597	Япония (289 530) (-6%)
4	Республика Корея	218 975	171 603	47 372	Р. Корея (237 633) (+8,5%)
5	Германия	67 434	46 632	20 802	Индия (77 068) (+43,7%)
6	Индия	53 627	19 454	34 173	Германия (57 213) (-13,2%)
7	Канада	36 488	4 238	32 250	Канада (38 052) (+4,3%)
8	Россия	35 511	23 337	12 174	Австралия (32 284) (+8,5%)
9	Австралия	29 758	2 637	27 121	Бразилия (28 686) (+13%)
10	Бразилия	25 396	5 464	19 932	Россия (26 924) (-24,2%)

Таблица 4

Количество научно-исследовательских статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях

№	Государство	Число статей
1	Китай	528 263
2	США	422 808
3	Индия	135 788
4	Германия	104 396
5	Япония	98 793
6	Великобритания	97 681
7	Россия	81 579
8	Италия	71 240
9	Республика Корея	66 376
10	Франция	66 352

1.2.5. Энергетический суверенитет и энергетическая безопасность

Обеспеченность энергоресурсами — одно из основных условий социально-экономического развития и в то же время гарантия самого существования государства.

Неслучайно 2010–2020-е гг. охарактеризовались не только масштабными геополитическими потрясениями, но и существенной трансформацией мировой энергетики. Отметим основные элементы перемен в этой системообразующей отрасли:

- Смещение основных центров потребления энергоресурсов из Европы и Северной Америки в Восточную и Южную Азию.
- Интенсивное внедрение генерирующих мощностей на основе возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и, как следствие, изменение структуры энергобаланса ряда стран, прежде всего европейских.
- Политически мотивированное сокращение использования углеводородов.
- «Сланцевая революция», превращение США из крупнейшего потребителя углеводородного сырья в нетто-экспортера.
- Масштабные американские и европейские санкции в отношении российского энергетического сектора, значительное сокращение потребления Европой российских энергоносителей.
- Появление новых крупных поставщиков топлива, например Австралии.
- Повышение координации ценовой политики и объемов добычи крупнейшими игроками нефтяного рынка в результате соглашения ОПЕК+.
- Изменение мировых цепочек поставок энергоносителей под влиянием антироссийских санкций, обострения ситуации на Ближнем Востоке и активизации новых центров силы в лице Китая, Индии и Турции.

Для характеристики уровня энергетической безопасности государства обычно используется совокупность факторов,